

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

DOI: 10.31857/S086919080004472-6

ВЛИЯНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ
НА ГЕНДЕРНЫЕ УСТАНОВКИ В СТРАНАХ АРАБСКОГО ВОСТОКА© 2019 В. В. КОСТЕНКО^{а)}, Э. Д. ПОНАРИН^{б)}, О. Н. СТРЕБКОВА^{в)}

Все – Лаборатория сравнительных социальных исследований
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
^{а)} ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4560-7530>; veronika.kostenko@gmail.com
^{б)} ORCID ID: [0000-0002-8568-5840](https://orcid.org/0000-0002-8568-5840); eponarin@hse.ru
^{в)} ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1654-1536>; ostrebkova@hse.ru

Резюме: в статье рассматривается трансформация гендерных установок в ряде арабских стран. На материалах исследования «Арабский барометр» анализируются когортные различия в 13 странах. В статье выдвигается гипотеза о том, что в некоторых арабских обществах откат гендерных установок в сторону патриархата частично обусловлен идеологическим сдвигом 1970–1980-х гг. В это время социалистически ориентированные светские национальные движения начали угасать, и на смену им пришла мода на политический исламизм. При этом молодые когорты в самых консервативных в гендерном отношении странах (например, в Саудовской Аравии) несколько менее патриархатны, чем прежние поколения.

Гипотеза о социалистическом влиянии проверяется на примере Йемена. С 1967 по 1990 г. на территории современного Йемена находилось два государственных образования: Народная Демократическая Республика Йемен (НДРЙ) и Йеменская Арабская Республика (ЙАР). НДРЙ (Южный Йемен) поддерживалась Советским Союзом, в то время как ЙАР (Северный Йемен) развивалась сначала под влиянием Египта, а потом с ориентацией на монархии Персидского залива. Социалистическая идеология отразилась на гендерных установках целого поколения йеменцев. Жители Южного Йемена, чья молодость пришлась на 1960-е гг., поддерживают гендерное равенство в большей степени, чем молодые люди в этой стране сегодня. Подобная ситуация обнаружена и в других арабских странах, имеющих социалистический опыт.

Ключевые слова: гендерный эгалитаризм, гендерные установки, когортные эффекты, генерализованные аддитивные модели, «Арабский барометр», Йемен, Саудовская Аравия.

Для цитирования: В. В. Костенко, Э. Д. Понарин, О. Н. Стребкова. Влияние исторических процессов на гендерные установки в странах арабского Востока. *Восток (Oriens)*. 2019. № 1. С. 126–146. DOI: 10.31857/S086919080004472-6

Благодарность: Статья подготовлена в ходе проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

HISTORICAL LEGACIES AND GENDER ATTITUDES
IN THE MIDDLE EASTVeronica V. KOSTENKO^{a)}, Eduard D. PONARIN^{b)}, Olga N. STREBKOVA^{c)}

All – National Research University “Higher School of Economics”

^{a)} ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4560-7530>; veronika.kostenko@gmail.com^{b)} ORCID ID: 0000-0002-8568-5840; eponarin@hse.ru^{c)} ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1654-1536>; ostrebkova@hse.ru

Abstract: *This article discusses transformation of gender attitudes in several Arab countries. After the Arab Barometer pattern the study analyzes cohort differences in 13 countries. The article hypothesizes that in some Arab societies, the rollback of gender attitudes towards patriarchy is partly due to the ideological shift of the 1970s and 1980s. Then socialist-oriented secular national movements began to fade, and they were replaced by the trend of political Islamism. At the same time, the youngest cohorts in the most gender-conservative countries (for example, in Saudi Arabia) are somewhat less patriarchal than previous generations. We test our assumptions using the example of Yemen. The current territory of that country used to exist in 2 separate states between 1967 and 1990: the South supported by the Soviet Union and the North influenced by Saudi Arabia and the Western bloc. We trace the support for gender egalitarianism across generations in the two parts of Yemen and show that the secular socialist ideology made a profound imprint on the attitudes of a whole generation and made those who were in their twenties back in the 1960s more egalitarian than the young people these days. The same is true, to varying extent, for the other countries of the region that had some socialist experience.*

Keywords: *gender egalitarianism; gender attitudes; cohort effects; GAM; Arab Barometer; Yemen; Saudi Arabia;*

For citation: Kostenko V. V., Ponarin E. D., Strebkova O. N. Historical legacies and gender attitudes in the Middle East. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 1. Pp. 126–146. DOI: 10.31857/S086919080004472-6

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the HSE and supported within the framework of a subsidy by the Russian Academic Excellence Project “5-100”.

ВВЕДЕНИЕ

Установки и ценности в исламских странах привлекают большое внимание социологов и правозащитников, поскольку ситуация с правами женщин в этом регионе, и особенно в арабских странах, хуже, чем в остальных регионах мира. Для арабских женщин характерны высокие риски смертности, они имеют более низкие шансы получить образование (иногда даже начальное) и профессию. Хотя арабские девочки учатся лучше, чем мальчики, доступ к рынку труда для них остается ограниченным, а безработица среди молодых женщин – самая высокая в мире (47%) [Arab Human Development Report, 2016].

Положение женщин в регионе в постколониальный период не раз менялось. Относительно светские панарабские националистические движения 1950–1960-х гг. (многие из них поддерживались Советским Союзом) активно продвигали вестернизацию в одежде и обычаях [Esposito, 1998]. При этом государственная политика в отношении женского образования и участия женщин в трудовых отношениях могла сильно отличаться от одной страны к другой. Некоторые режимы были нацелены на широкое вовлечение женщин в трудовые отношения, активно поддерживали массовое школьное образование для девочек. Так, в ряде арабских стран поддержка женского образования и занятости была

включена в программы государственного развития (Ирак в 1960–1970-х гг., Тунис в 1960–1980-х гг., Египет при Гамале Абдель Насере и Анваре Садате, Сирия при Хафезе Асаде, Народно-Демократическая Республика Йемен). В то же время другие страны придерживались пронационалистского политического курса (Алжир при Бумедьене, Саудовская Аравия, Иордания и Марокко).

Консервативный поворот, обусловленный усилением исламского фундаментализма, произошел в ряде стран Ближнего Востока и Северной Африки в 1970-е гг., одним из его результатов стало закрепление патриархатного распределения гендерных ролей [Dalacoura, 2007]. Позднее, в 1980-х гг., изменения визуально были отмечены распространением практики ношения хиджаба, а также возвратом к риторике о роли женщины как хранительницы домашнего очага. Ф. Садыки выделяет три главные причины этого сдвига: «Исламский фундаментализм является результатом комбинации трех событий... успеха иранской революции, падения Советского Союза и укрепления США как единственной сверхдержавы» [Sadiqi, 2008, p. 451]. Некоторые исследователи добавляют в этот перечень роль «нефтяных денег», так как финансовое благополучие консервативных монархий Персидского залива позволяло им продвигать стиль жизни, распространенный в этих странах, по всему региону [Ross, 2012].

Таким образом, права арабских женщин, включая их возможности для продвижения в социальной иерархии, в значительной степени определялись глобальной повесткой, состоянием региональных экономик и официальным дискурсом, отражающим идеологические конфликты «холодной войны» [Fawcett, 2013, p. 66]. В данной статье предпринимается попытка обнаружить последствия этой идеологической борьбы посредством анализа данных опросов, проведенных спустя десятилетия после «холодной войны», которая все еще продолжает оказывать влияние на поколения, выросшие в те годы.

В последних исследованиях региона обнаруживается спад (в некоторых случаях стагнация) поддержки гендерного равенства среди молодых поколений в ряде арабских стран, что противоречит общемировым тенденциям [Arab Human Development Report..., 2016]. В то же время некоторые арабские страны демонстрируют слабый рост гендерного эгалитаризма [Kostenko et al., 2016]. В данной статье эти наблюдения проверяются с помощью современных статистических методов анализа данных. Отслеживаются взгляды нескольких поколений людей, для того чтобы выявить, какие исторические события наряду с процессом модернизации могли оказать влияние на формирование гендерных установок молодежи.

В качестве источника данных используются результаты трех волн опросов, проведенных по национальным репрезентативным выборкам в рамках исследования «Арабский барометр» [Arab Barometer, 2014]. Для анализа временных различий доступна информация о пяти арабских государствах: Алжир, Иордания, Ливан, Палестинские территории и Йемен, участвовавших в трех волнах исследования. Выборка из пяти стран используется для того, чтобы показать, как поколенческие различия сохраняются в каждой стране в трех временных точках.

Большая выборка по 13 арабским странам, включенным в третью волну исследования (Алжир, Египет, Ирак, Иордания, Кувейт, Ливан, Ливия, Марокко, Палестинские территории, Саудовская Аравия, Судан, Тунис и Йемен), применяется для анализа текущего уровня поддержки гендерного равноправия в регионе.

В качестве примера социалистического влияния на ценности старшего поколения взят Йемен, территория которого с 1967 по 1990 г. представляла собой два государства. Южная часть Йемена находилась под сильным советским влиянием [Sayigh, 1999, p. 200], а Северный Йемен развивался с ориентацией сначала на Египет, а затем на монархии Персидского залива. Таким образом, специфический опыт Йемена может быть

рассмотрен как естественный эксперимент, который позволяет проверить гипотезу о влиянии наследия «холодной войны» на формирование гендерных установок.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

Пересмотренная теория модернизации

В качестве теоретической основы исследования взята пересмотренная теория модернизации, в соответствии с которой «экономическое развитие связано с последовательными и в некоторой степени предсказуемыми изменениями в культурной, социальной и политической жизни» [Inglehart, Baker, 2000, p. 21]. Модернизация проявляется в процессах урбанизации, профессиональной специализации, индустриализации, а также характеризуется широким распространением высшего образования [Inkeles, Smith, 1974; Roxborough, 1988].

Одни из значимых результатов модернизации – рост уровня гендерного равенства и распространение менее жестких репродуктивных норм [Inglehart, Baker, 2000]. Для женщин открываются новые возможности, они начинают заниматься своим образованием и карьерой, откладывая рождение детей. Эти изменения подрывают традиционное разделение гендерных ролей по модели «мужчина-кормилец, женщина-домохозяйка». Новая роль женщины приводит к трансформации как ее собственных ценностей, так и ценностей ее партнера. Дети в таких семьях воспринимают более эгалитарные установки как норму, и, когда такие изменения вовлекают все большее количество семей, последствия этого процесса начинают быть заметны в массовых исследованиях.

В соответствии с пересмотренной теорией модернизации изменения ценностей в обществе происходят в результате смены поколений, когда последующее поколение людей живет в более безопасных и стабильных условиях, чем предыдущее; в обществах, где качество жизни растет, люди с большей вероятностью поддерживают ценности самовыражения во всех сферах жизни [Inglehart, 1997]. Однако в обществах, где нельзя говорить о постоянном росте безопасности и благосостояния, могут иметь место иные тенденции, значительно хуже предсказуемые теоретически.

Важным фактором, позволяющим объяснять социокультурные различия между людьми, являются возрастные отличия, которые, в свою очередь, могут отражать эффекты жизненного цикла, эффекты исторического периода и эффекты когорты [Duncan, 1984; Yang, Land, 2016]. Согласно теории формативного периода, установки людей формируются на ранних этапах взрослой жизни (в 18–22 года), затем они закрепляются и сохраняются относительно стабильными, лишь незначительно изменяясь [Alwin et al., 1991]. Данный подход помогает понять психологические механизмы, лежащие в основе процесса формирования ценностей и установок отдельных поколений. Поскольку в молодости люди отличаются особой восприимчивостью, окружающая среда накладывает сильный отпечаток на систему ценностей, взглядов и установок [Sears, 1983]. Как утверждают Г. Шуман и Ж. Скотт, каждое поколение людей имеет собственный набор коллективных воспоминаний, который формирует их видение мира в юности, делает их похожими, а сама общность этих людей становится относительно стабильной [Schuman, Scott, 1989]. При этом существование эффектов когорты не отрицает наличия эффектов периода и эффектов жизненного цикла.

Результаты исследований позволяют предположить, что установки людей формируются в годы становления личности. Каждая когорта сохраняет относительную стабильность в отношении набора ценностей, разделяемых конкретным поколением на протяжении большей части жизни. Следовательно, возрастные различия, агрегируемые на уровне отдельных стран, могут быть интерпретированы как когортные, т. е. отражающие социальные изменения или свидетельствующие об их отсутствии.

Источники устойчивой патриархатности арабских обществ

Гендерное равноправие – это важный этап перехода от традиционного общества к современному [Sen, 1999]. Роли кормильца и домохозяйки, определяющие гендерные контракты в традиционных обществах, уступают место модели гендерного равенства [Scott, 1995]. Несмотря на значительный прогресс в области гендерного равенства в некоторых странах, модель равенства возможностей и обязанностей полов не достигнута нигде в мире. Если в одних странах, благодаря последовательной государственной политике, существующие диспропорции успешно преодолеваются, то в других странах неравенство сохраняется, и женщины остаются на вторых ролях [Dogius, Firebaugh, 2010]. В целом экономически развитые страны характеризуются относительно высоким уровнем гендерного равенства [Inglehart, Norris, 2003a]. Однако богатые нефтяные арабские страны являются исключением из данного правила.

В исследованиях гендерного неравенства на Ближнем Востоке существует несколько направлений. Одни ученые показывают, что специфика функционирования экономической системы и рынка труда в арабском мире во многом обуславливает существующие препятствия для профессионального развития женщин [Spierings et al., 2009]. Другие утверждают, что в самой исламской традиции заложен патриархат. В своих работах они связывают исламскую идеологию с гендерными установками и подчеркивают сильную связь между религией и ежедневными практиками [Hassan, 1996; Alexander, Welzel, 2011]. Есть также работы, подчеркивающие связь гендерного неравенства с арабским культурно-историческим регионом, а не с исламом. Так, А. В. Коротаев и соавторы показывают, что в регионе, входившем к концу VIII в. в Арабский халифат, до сих пор сохраняется крайне низкая вовлеченность женщин в рынок труда, что, по мнению этих исследователей, может быть связано с культурными особенностями арабских народов, в частности – с распространенностью кросс-кузенных браков [Korotayev et al., 2015]. Группа авторов под руководством Хелен Риззо сравнивает ценности в арабских и неарабских странах и также демонстрирует, что в последних уровень гендерного равноправия значительно выше [Rizzo et al., 2007].

Стоит отметить, что феминистки арабского происхождения резко критикуют попытки обобщения всего арабского или даже мусульманского женского опыта, особенно с учетом того, что арабские женщины зачастую исключены из обсуждения собственных проблем. Феминистки считают, что рассматривать опыт арабских стран как нечто единое неуместно: например, в Сомали 95% женщин подвергаются обрезанию, в то время как в Ливане это явление практически не встречается [*Arab Human Development Report...*, 2016, p. 254].

В данной статье перечисленные выше подходы дополняются историческим измерением, которое помогает пролить свет на перемены, происшедшие за последние 50 лет в гендерном дискурсе арабских стран.

Культурные факторы: исламские традиции и религиозность

Результаты эмпирических исследований говорят о том, что ислам может препятствовать распространению гендерного эгалитаризма [Norris, Inglehart, 2011]. По мнению С. Хантингтона, в исламских обществах люди склонны поддерживать сильных лидеров, а не демократию западного типа. Причины этого он видел в мусульманском коллективизме, который выступает в качестве оппозиции индивидуализму западной цивилизации. В свою очередь, именно индивидуализм привел к развитию в странах Запада права собственности, либеральной демократии и прав человека, включая, в частности, гендерное равенство [Huntington, 1997].

Р. Инглхарт и П. Норрис оспаривают утверждения С. Хантингтона, утверждая, что мусульманские общества, согласно данным массовых опросов, стремятся к демократии.

Они показывают, что главное отличие ценностей мусульман от жителей европейских стран и США заключается в неприятии права на личный выбор в таких вопросах, как аборт, разводы, гомосексуальность и гендерное равенство [Inglehart, Norris, 2003b].

Религиозность остается одной из доминирующих ценностей молодежи. По данным Гэллапа, религию считают важной частью своей повседневной жизни около 90% опрошенных арабов, и это число практически не варьируется по странам [*Arab Human Development Report...*, 2016, p. 35]. При этом высокая религиозность связана с поддержкой патриархата. В исследовании М. Хоффмана и А. Джамаль было выявлено, что молодые люди из арабских стран идентифицируют себя как мусульман, а не как арабов. Более того, арабская молодежь поддерживает политический ислам в большей степени, чем представители старших поколений, к тому же по сравнению со старшими когортами толерантное отношение к другим религиям среди молодежи встречается в меньшей степени. Важность ислама в публичной жизни остается отличительной особенностью арабского населения в целом и арабской молодежи в частности [Hoffman, Jamal, 2012].

Институциональные факторы: «ресурсное проклятие» и рынок труда

Альтернативным объяснением слабости демократических институтов и сохранения гендерного неравенства на Ближнем Востоке является дискурс «нефтяного проклятия». М. Росс утверждает, что влияние ислама как источника норм патриархата переоценивается [Ross, 2008]. Он полагает, что «нефтяное проклятие» разрушает возможности арабских женщин реализоваться на рынке труда или в политическом представительстве. Спирингс также утверждает, что структура рынка труда, а также экономическая отсталость региона, обусловленная сырьевой ориентацией экономики, приводят к тому, что женщины в мусульманских, в частности арабских, обществах занимают подчиненную позицию [Spierings et al., 2010].

Другие исследователи связывают проблемы сырьевой ориентации экономик арабских стран со слабой развитостью основных институтов на момент начала притока «нефтяных» денег и приводят примеры богатых нефтяных мусульманских стран, где наличие сырьевого рынка привело к положительным социальным последствиям [Luong, Weinthal, 2010].

В. Могадам использует структурные экономические характеристики, такие как тип и глубина индустриализации, чтобы объяснить низкий уровень участия женщин в трудовых отношениях в арабских странах. Как она утверждает, «причина, по которой мусульманские женщины отстают от западных в юридических правах, мобильности, автономии и т.д., скорее связана с вопросами развития – степенью урбанизации, индустриализации и пролетаризации, – а также с политическими уловками государственных менеджеров, чем с религиозными или культурными факторами» [Moghadam, 2003, p. 6]. Патриархатная семья нашла широкую поддержку в неопатриархатном государстве с его акцентом на роли религии, чрезмерном контроле над гражданами и практиками насилия [Sharabi, 1992].

В работе С. Крукс и коллег показано, что социалистические революции в странах третьего мира сформулировали «женский вопрос» как часть программ развития новых режимов, при этом гендерная проблематика рассматривалась в контексте институционального развития (главным образом в сфере образования и семейных прав женщин) [Kruks et al., 1989].

Некоторые исследователи описывают структурные причины, которые в действительности продвигают арабские страны к гендерному равенству. Ф. Фаргус показал, что гендерное равенство растет, хотя и медленно, по всему Ближнему Востоку и Северной Африке. Этот процесс неумолимо приводит к значительным демографическим изменениям и проявляется в падении медианного числа детей до двух, что объясняется возросшим

количеством девочек, получающих образование (и они оказываются значительно образованнее не только своих матерей, но и своих отцов) [Fargues, 2005].

Историческое наследие и рессентимент

В XIX столетии элиты некоторых мусульманских обществ осознали необходимость ответа на вызовы западной экспансии. Согласно Э. Смитту, вызовы модернизации могут привести к ассимиляции Западом или к сопротивлению на основе традиционной или реформаторской идеологии [Smith, 1995]. В большинстве случаев события развиваются по одному из двух последних сценариев.

Первый сценарий – это случай традиционалистской реакции, которая заключается в отрицании модернизации либо в осознанном ее игнорировании. Подобная реакция призывает к изоляции, характеризуется ностальгией по временам, когда ислам был в авангарде цивилизации. Значит, нужно вернуться к религиозным практикам золотого периода, очиститься от более поздних искажений. Это путь к победе, которая, в веберовском смысле, означает возвращение статуса и престижа сообщества.

Второй сценарий – это реформистская реакция, которая может быть описана как попытка победить Запад в его собственной игре. С одной стороны, реформаторы осознают, что они должны научиться у Запада конкурентоспособности (такое обучение включает не только освоение технологий, но и развитие социальных и политических институтов). В частности, западная идея нации была осмыслена и адаптирована некоторыми мусульманскими интеллектуалами в XIX в. С другой стороны, в рамках данного подхода Запад представляется национальному обществу как соперник. Таким образом, реформаторская реакция отличается от традиционалистской с точки зрения средств, но не целей.

Описанные выше сценарии представляют собой идеальные типы, которые в реальности могут сосуществовать не только в одном и том же обществе, но и в представлениях одного и того же человека. Тем не менее можно выделить страны, в которых один или другой тип реакции доминирует, а также исторические периоды превалирования той или иной реакции.

Вероятно, в основе как реформистской, так и традиционалистской реакции лежит то, что Л. Гринфелд называет *рессентиментом*, который она определяет, вслед за Ницше, как состояние экзистенциального разочарования и зависти, усиливающихся из-за неспособности удовлетворить это чувство [Greenfeld, 1993]. В соответствии с более мягким определением в духе Э. Геллнера, *рессентимент* возникает из острого чувства неравенства какого-либо сообщества и культуры по сравнению с доминирующим иностранным сообществом и культурой [Gellner, 2008]. Это чувство может принимать религиозную или националистическую форму.

Арабский светский национализм достиг своего пика в середине XX в., когда в попытках угнаться за Западом множество светских и зачастую панарабских режимов пробовали разные версии ускоренной модернизации, часто под влиянием СССР. В то же время существовала и религиозная реакция: сами секуляристские страны стали колыбелью таких организаций, как «Братья-мусульмане». И даже в период расцвета светского национализма в регионе оставались общества, где доминировал религиозный традиционализм, например Саудовская Аравия, а позднее – Иран и Афганистан. Высокие цены на нефть в 1970-х гг. стали фактором, который помог экспорту исламистских идей.

Как отмечает Р. Салливан, «к 1955 г. арабские страны были явно встроены в тогдашний биполярный мир, от Египта Насера, возглавившего революцию арабских националистов, до Ирака Нури, возглавившего консервативных арабов» [Sullivan, 1970, p. 437].

Йемен в данном контексте требует отдельного внимания, так как может быть рассмотрен как естественный эксперимент, который длился на протяжении значительного периода «холодной войны». Южная Аравия с 1967 по 1990 г. состояла из двух достаточ-

но крупных по местным меркам государственных образований. Одно из двух этих образований – Йеменская Арабская Республика (ЙАР), или Северный Йемен, была образована в 1962 г. в ходе революции, ставившей целью «свержение абсолютистского режима, ликвидацию иностранного влияния в стране и установление демократического строя, основанного на принципах ислама и социальной справедливости» [Голубовская, Серебров, 2008, с. 260]. Для сохранения республики и поддержки своей позиции в начавшейся гражданской войне президент ЙАР использовал египетский экспедиционный корпус, покинувший Йемен только в 1967 г. [Dresch, 2000, p. 114]. В 1970 г. был принят проект конституции, по которому ЙАР провозглашалась арабским исламским государством, а шариат – источником всех законов. В этот же период ЙАР стремилась вступить в Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, что не удалось из-за низкого уровня нефтедобычи [Герасимов, 1979]. Таким образом, ЙАР была идеологически близка к консервативным монархиям Персидского залива.

Другая часть страны, Народная Демократическая Республика Йемен (НДРЙ), или Южный Йемен, созданная в 1967 г. на месте находившегося до этого под британским протекторатом множества мелких государств, независимых вожеств, племен и иных политий, использовала марксистскую идеологию и поддерживалась Советским Союзом и КНР как в финансовом, так и в военном (фактически все оружие поставлялось СССР) и идеологическом плане [Cigar, 1985, p. 777]. С 1969 г. был официально объявлен курс на социализм, так «Южный Йемен превращался в плацдарм для создания модели построения социализма в наименее развитых странах» [Голубовская, Серебров, 2008, с. 267]. Разрушены были клановые связи, создавались общественные организации, в том числе женские.

Несмотря на то что массовая бедность привела к масштабной миграции из НДРЙ в соседние Северный Йемен, Саудовскую Аравию и Оман, правительство смогло достичь неплохих результатов в социальной сфере. Например, за девять лет число учителей и учеников увеличилось в пять раз, было введено совместное обучение и преподавание светских дисциплин. Другим важным результатом стало утверждение правовых основ гендерного равенства и поощрение выхода женщин на рынок труда (что было крайне значимо для экономики с учетом острого дефицита рабочей силы в результате миграционного оттока и низкой продолжительности жизни).

Особую роль в жизни общества сыграли последовательные усилия правительства, направленные на ослабление клановых и семейных ограничений. Как отмечает М. Молине: «Род, класс и племенной контроль над женщинами были объявлены вне закона» [Moluneux, 1989, p. 210]. Полигамия, детские браки, браки по договоренности родителей были запрещены, а условия развода стали практически равными для мужчин и женщин.

Тем не менее женщины по-прежнему сталкивались с враждебным отношением семей, поскольку Семейный закон 1974 г. считался неприемлемым и противоречащим исламу, а доля девочек-школьниц в возрасте до 12 лет составляла всего 38% от числа всех девочек этого возраста в сравнении с 94% мальчиков. Несмотря на эти препятствия, женские права в 1970-е гг. были гарантированы в Южном Йемене в большей степени, чем в любой другой стране региона [Halliday, 1979, p. 8–10].

Снижение влияния Советского Союза, а затем и его распад стали дополнительным фактором, который изменил баланс между политическим исламом и секуляризмом: социалистические идеи, которые поддерживались многими светскими режимами, были дискредитированы.

Примерно с 1970-х гг. религиозный фундаментализм начал контрнаступление против светского национализма. Вероятно, такой поворот может быть объяснен провалами светских режимов в их соревновании с Западом в терминах предоставления населению лучших условий жизни и разрешения символически важного арабо-израильского конфлик-

та. Другими словами, секуляризм не помог мусульманам избавиться от острого чувства неравенства их культуры и общества по сравнению с Западом.

На основе описанных теорий и исторических трендов выдвигаются следующие гипотезы:

1. Старшие когорты больше поддерживают гендерное равноправие в тех странах, где в 1950–1960-х гг. продвигался светский национализм.
2. Традиционно консервативные страны отличаются низким уровнем поддержки гендерного равенства и незначительными различиями этого показателя между поколениями.
3. Образование, вовлеченность в рынок труда и низкая религиозность положительно влияют на поддержку гендерного равноправия.

ДАННЫЕ И МЕТОД

В качестве эмпирической основы исследования используются результаты трех волн проекта «Арабский барометр». Данные представляют собой репрезентативные национальные выборки довольно высокого качества по странам Северной Африки и Ближнего Востока. Результаты опросов позволяют сравнивать ценности и установки по нескольким измерениям, включая политические предпочтения, социальные и религиозные характеристики индивидов, гендерные установки по странам и поколениям. Для оценки взаимосвязи возрастных различий и гендерных установок при одновременном контроле других важных переменных используются генерализованные аддитивные модели (ГАМ) [Wood, 2006].

Описательные статистики указывают на то, что люди в регионе становятся более лояльными в вопросах гендерного равенства (см. *рис. 1*), но в некоторых обществах, например в Ираке, такого эффекта не наблюдается. Чтобы более детально исследовать эти изменения, в статье моделируется непараметрическая регрессия, описывающая зависимость индекса гендерного эгалитаризма от года рождения респондента. Данный аддитивный индекс основан на трех вопросах, которые задавались во всех трех волнах исследования «Арабский барометр»:

- Замужняя женщина может работать вне дома, если она этого хочет;
- В целом мужчины являются лучшими политическими лидерами по сравнению с женщинами (обращено при кодировании);
- Университетское образование важнее для мальчиков, чем для девочек (обращено при кодировании).

Компоненты индекса отражают три базовые сферы эмансипации человека: образовательные возможности, участие в рынке труда, политическое лидерство; индекс теоретически обоснован и эмпирически проверен [Welzel, 2013].

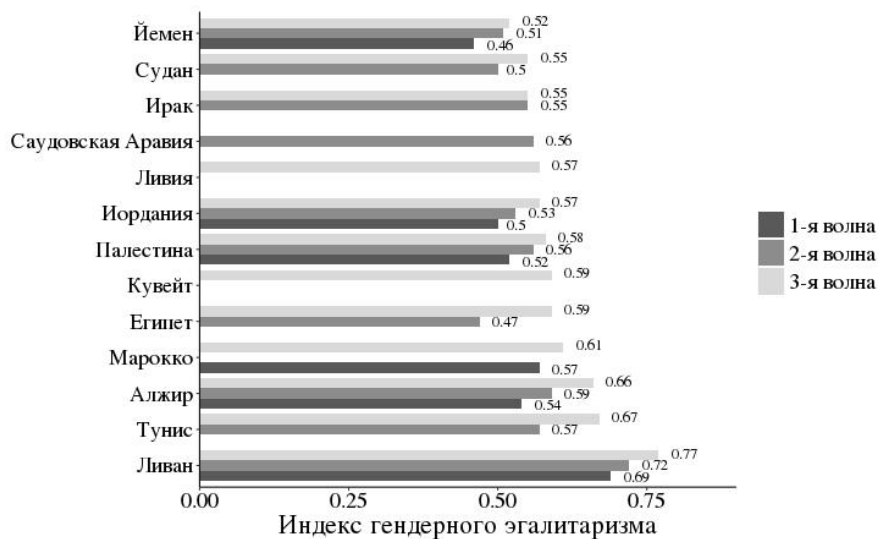

Рис. 1. Распределение индекса гендерного эгалитаризма по странам в трех волнах исследования «Арабский барометр».

В качестве объясняющих переменных используются: образование (закодировано как 6 категорий, от 1 – «неграмотные» до 6 – «высшее образование») и религиозность (частота чтения Корана, закодированная как три категории: 1 – «часто», 2 – «иногда», 3 – «редко или никогда»). Модель предполагает линейную зависимость между указанными предикторами и зависимой переменной. Переменные «пол», «страна», «статус занятости» (бинарная переменная) включены в модель как контрольные.

Для непараметрической оценки влияния года рождения (интерпретированного как когорта) на индекс гендерного эгалитаризма используются генерализованные аддитивные модели (ГАМ). Данный метод использует сглаживающую функцию и одновременно позволяет параметрически оценивать эффекты других переменных [Hastie, Tibshirani, 1990]. Результаты непараметрического моделирования представляются в виде графиков, параметрическая часть модели оформляется в виде стандартной таблицы регрессионных коэффициентов¹.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Первый этап анализа включает пять стран, которые встречаются во всех трех волнах «Арабского барометра». Стабильность эффектов года рождения от волны к волне позволяет интерпретировать возрастные различия в разных странах как когортные различия. Определенные флуктуации обнаруживаются преимущественно в левых частях графиков и объясняются малочисленностью старших когорт в выборке.

На рис. 2 показана непараметрическая часть ГАМ-модели. По вертикальной оси измеряется индекс гендерного эгалитаризма (высокие значения соответствуют более эгалитарным установкам), среднее значение индекса приравнено к нулю, так как модель ГАМ стандартизирует зависимую переменную. Горизонтальная ось описывает годы ро-

¹ Статистические расчеты выполнены в среде R, в пакете mgcv [Wood, 2001]. Во всех представленных моделях используются кубические сплайны с 4-мя степенями свободы. Результаты представлены в двух частях: непараметрическая часть представлена на графиках, параметрическая – в регрессионной таблице (см. прил.).

ждения респондентов; пол, образование, статус занятости и религиозность используются как контрольные переменные (см. прил., табл. 2).

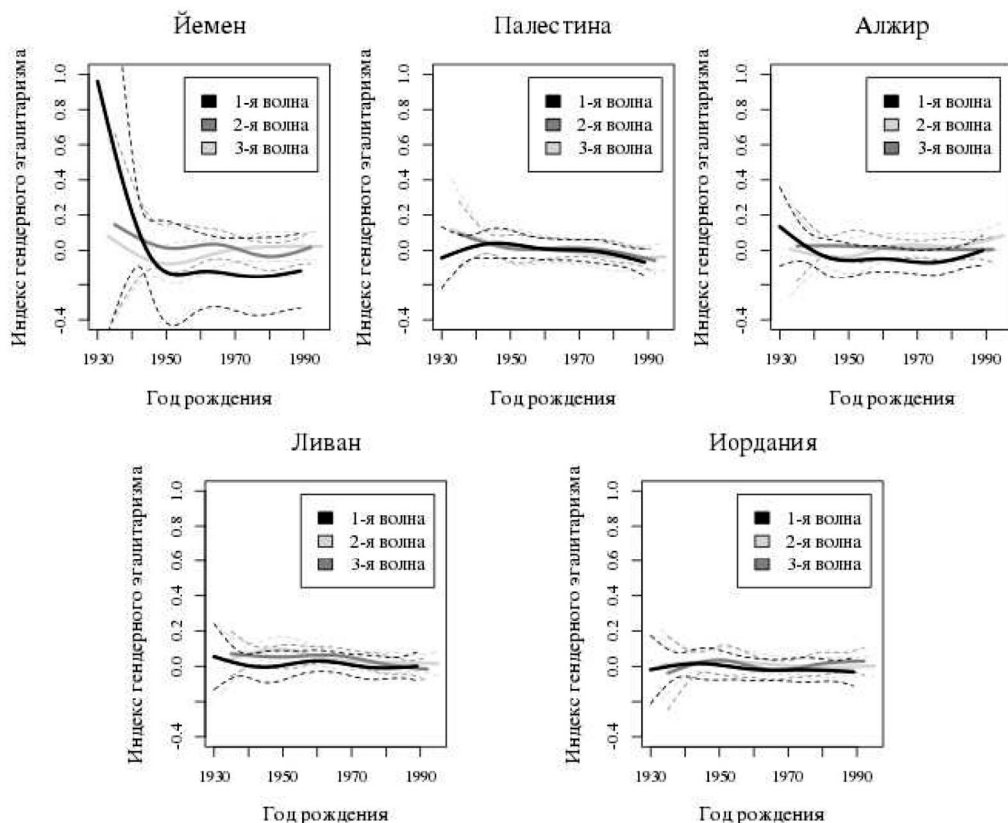

Рис. 2. Связь года рождения и индекса гендерного эгалитаризма в пяти арабских странах в трех волнах исследования «Арабский барометр».

Рассмотрим результаты сглаживания для данных первой волны (черная линия). Влияние возраста на поддержку гендерного равенства практически отсутствует в Ливане и Иордании, в Палестине поколение середины 1940-х гг. можно отметить как наиболее эгалитарное в гендерных вопросах. Старшие поколения в Алжире, и особенно в Йемене, гораздо более либеральны, чем молодые когорты (при контроле на уровень образования). Регрессионные коэффициенты (см. табл. 1) позволяют оценить вариацию уровня поддержки гендерного эгалитаризма среди данных пяти стран. Наиболее эгалитарным является население Ливана, за ним следует Алжир, далее Палестинские территории, Иордания и Йемен – наиболее консервативные страны. Переменные «пол» и «образование» демонстрируют тенденции, предсказанные теорией модернизации: мужчины (по сравнению с женщинами) и люди с низким уровнем образования (по сравнению с образованными) склонны проявлять более консервативные гендерные установки. Те, кто не читает Коран либо читает его редко, более эгалитарны в гендерных установках, чем те, кто читает Коран иногда или часто. Статус занятости (наличие оплачиваемой работы) не показывает значимого эффекта в данной волне.

Для сглаживания по данным второй волны (серая линия) получен более узкий доверительный интервал в старших возрастах, что связано с возросшей продолжительностью жизни в регионе. Например, в Йемене на текущий момент ожидаемая продолжительность жизни при рождении составляет 65 лет для мужчин и 68 – для женщин [Отдел статистики ООН], в то время как в 1980-х гг. этот показатель составлял примерно 45 лет. Что касается динамики индекса гендерного эгалитаризма, то мы видим крайне слабый рост эгалитарных установок молодежи в Иордании и отсутствие явного тренда в Алжире. В Палестине и Ливане молодежь меньше поддерживает равноправие. Йеменцы демонстрируют более высокий уровень эгалитаризма среди всех поколений в сравнении с результатами первой волны, однако когортные различия остаются такими же: люди, рожденные в конце 1930–1940-х гг., сохраняют наиболее эгалитарные гендерные установки по сравнению с другими поколениями при контроле по полу, образованию, статусу занятости и религиозности. Все параметрические оценки эффектов схожи с оценками, полученными для данных первой волны.

Данные третьей волны (светло-серая линия) вновь не демонстрируют эффектов для Иордании и Ливана. В Алжире прослеживается очень слабый позитивный тренд для самых молодых когорт, палестинская молодежь показывает некоторый сдвиг от негативного эффекта к его отсутствию.

Рассмотрим отдельно данные по Северному и Южному Йемену, которые с 1967 по 1990 г. имели различные гендерные порядки. В целях сравнения на графиках с функциями сглаживания приводятся результаты для Саудовской Аравии как страны, которая никогда не испытывала социалистического влияния и представляет собой пример консервативной парадигмы.

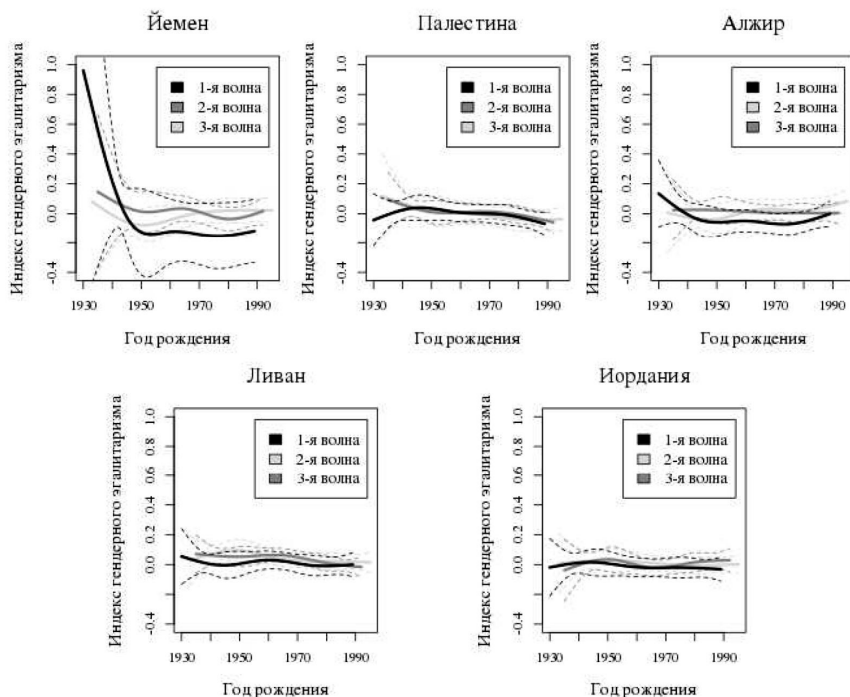

Рис. 3. Связь индекса гендерного эгалитаризма и года рождения в Северном и Южном Йемене и Саудовской Аравии (ГАМ-модель, вторая волна «Арабского барометра»).

Как показано на *рис. 3*, люди, рожденные в Северном Йемене до 1950-х гг., проявляют наиболее консервативные гендерные установки среди всех стран, попавших в выборку. Однако поколения, рожденные после 1960 г., формируют ценностный профиль, схожий с Саудовской Аравией. В Южной (в прошлом социалистической) части Йемена, где провозглашались ценности гендерного эгалитаризма, люди, рожденные в период с 1940 по 1960 г., разрушают стереотип об экстремальном консерватизме Йемена в гендерных вопросах. Начиная с поколения, рожденного в 1970-х гг., население Северного Йемена демонстрирует слабый, но значимый сдвиг к гендерному эгалитаризму, в то время как жители бывшей НДРЙ становятся крайне патриархатными, предпочитая даже более консервативные гендерные установки, чем население Саудовской Аравии.

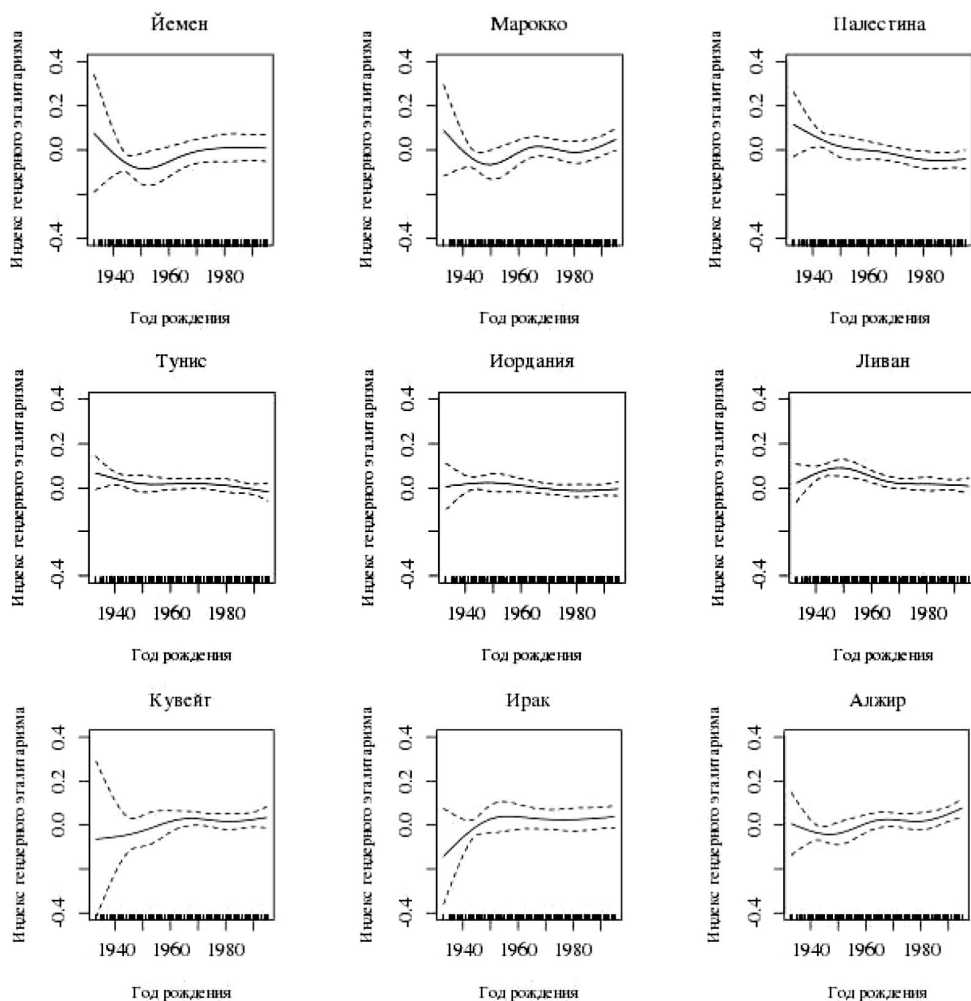

Рис. 4. Связь индекса гендерного эгалитаризма и года рождения в 13 арабских странах (ГАМ-модель, третья волна «Арабского барометра»).

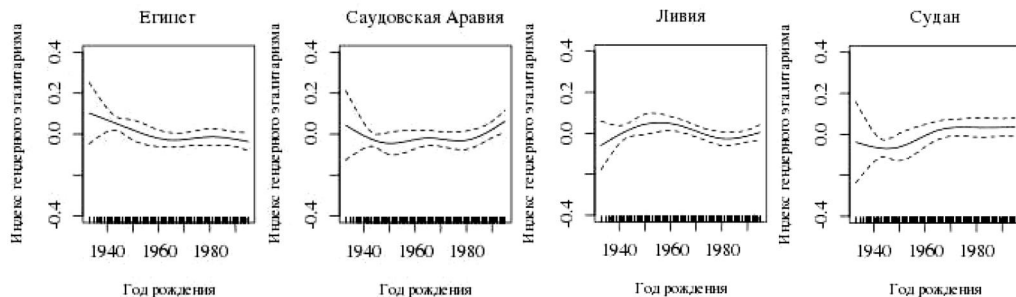

Рис. 4. Связь индекса гендерного эгалитаризма и года рождения в 13 арабских странах (ГАМ-модель, третья волна «Арабского барометра»).

Для того чтобы продемонстрировать более широкую картину гендерных установок в регионе, мы приводим схожий анализ для 13 стран из третьего опроса «Арабского барометра» (см. рис. 4). Результаты позволяют выделить три группы стран в соответствии с паттерном поколенческих изменений уровня поддержки гендерного равенства.

Первую группу составляют общества, которые имеют наименее патриархатные ценности среди младших когорт. С учетом контроля по полу, образованию, статусу занятости, религиозности самые молодые когорты в Алжире, Кувейте и Судане более вероятно по сравнению с их родителями и бабушками/дедушками согласятся с тем, что замужняя женщина может работать, университетское образование не является прерогативой мальчиков, а мужчины не являются единственно возможными хорошими политическими лидерами. Саудовская Аравия – тоже часть этой группы, но жители этого государства, рожденные до 1940 г., чуть более либеральны в гендерном плане и поддерживают права женщин почти в той же степени, что и молодежь, рожденная после 1985 г.

Марокко демонстрирует в целом положительный, хотя и нелинейный тренд; относительно эгалитарные старшие когорты, за ними следуют более консервативные когорты рожденных в 1950-х гг., затем наблюдаются несколько скачков и падений, завершающихся ростом поддержки гендерного равенства среди младших когорт. Противоположный тренд наблюдается в Египте, Тунисе, Южном Йемене и на Палестинских территориях: молодые люди демонстрируют более консервативные установки, чем их старшие соотечественники. Ирак, Ливан и Ливия похожи на эту группу стран, однако здесь самые эгалитарные когорты – поколение 1950-х гг., в то время как самые младшие когорты не отличаются от своих предшественников. Уровень гендерного эгалитаризма в Иордании практически не меняется.

Параметрическая часть данной модели (см. прил., табл. 2) показывает положительную линейную связь между образованием и поддержкой гендерного равенства при отсутствии эффекта религиозности. Переменная «статус занятости» демонстрирует эффект взаимодействия с переменной «пол», что говорит о том, что работающие женщины значительно более эгалитарны.

Если выстроить общества в соответствии с уровнем поддержки гендерного равенства, то мы увидим, что Ливан, Тунис и Алжир будут лидерами данного рейтинга, за ними следуют Марокко, Египет и Палестинские территории. Самые низкие результаты демонстрируют (в порядке убывания) Иордания, Саудовская Аравия, Кувейт, Ливия, Йемен, Судан и Ирак, без значимых различий между этими странами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цель данной статьи – показать, что идеологические поиски второй половины XX в. в значительной степени повлияли на гендерные установки в арабских странах. Наряду с действием экономических и институциональных факторов влияние официальной пропаганды может проследиваться десятилетия спустя после ухода правительств, проводивших данную политику.

В течение постколониального периода своей истории арабские страны испытали множество взлетов и падений, как экономических, так и политических [Yousef, 2004]. Борьба за независимость и желание угнаться за западным миром привели к появлению светских (часто социалистических) режимов, которые занимались активным преобразованием публичной сферы, улучшили ситуацию в здравоохранении и образовании, способствовали выходу женщин на рынок труда. Однако эти усилия встретили сопротивление со стороны консервативной части общества, а затем вызвали разочарование своих сторонников вследствие многочисленных провалов этой политики. В некоторых социалистически ориентированных странах, таких как Ирак, диктаторские режимы узурпировали власть и поставили те организации низового уровня, которые боролись за права и свободы граждан (включая женские), под контроль правительства [Al-Ali, Pratt, 2008].

Поворот к политическому исламу совпал с нефтяным бумом 1970-х гг., когда некоторые консервативные общества, у которых не было социалистического опыта, достигли экономического процветания и стали продвигать собственную идеологию в части арабского мира. Некоторые исследователи отмечают, что к 1962 г. Саудовская Аравия сместила Ирак с позиций регионального лидера консервативных и антикоммунистических союзников США [Sullivan, 1970, p. 437–438]. Саудовская Аравия также оставалась символическим «маяком» для миллионов мусульман по всему миру как страна – хранительница двух священных городов. Нефтяной бум 1970-х гг. привел к противоречивым последствиям в странах с рентной экономикой [Richards, Waterbury, 1990], стимулируя, с одной стороны, положительные изменения в здравоохранении, образовании, женской занятости, с другой – стагнацию политического развития. В течение 1970–1980-х гг., без значительного сдвига в ценностных ориентациях населения, Саудовская Аравия, Бахрейн, Кувейт, Оман, Катар и ОАЭ стремительно превратились из бедных и изолированных монархий пустыни в технологически продвинутые и экономически процветающие нации [Foley, 2010, p. 3].

Консервация *status quo* длилась два десятилетия, однако к 2000–2010 гг. модернизационные процессы и вызовы остального мира привели к изменениям даже в консервативных монархиях Персидского залива. Например, король Саудовской Аравии провозгласил феминизацию трудовой сферы и пригласил 30 женщин в Консультативный совет в 2011 г., а правительство начало предлагать стимулы для включения женщин в штат сотрудников [UNDP in Saudi Arabia..., 09.03.2014].

Интересно, что эти политические флуктуации могут быть прослежены в исследованиях ценностей, которые проводятся спустя десятилетия после событий. Анализ 13 арабских обществ, обследованных в третьей волне «Арабского барометра», показал стабильный рост эгалитаризма в Кувейте, Алжире и Судане, при контроле на пол, образование и религиозность. Кувейт и Судан не имели социалистического опыта, а локальные элиты предпочитали поддерживать патриархат, однако столкновение традиционализма с вызовами модернизации оказалось неизбежным.

В Алжире при Хуари Бумедьене (1965–1978) продолжилось начатое его предшественником движение в сторону социализма: многие советские специалисты налаживали индустрию, централизованное планирование в экономике, национализацию; в Национальной Хартии, принятой в 1976 г. на референдуме, осуждался капитализм. Однако, су-

дя по данным «Арабского барометра», гражданская война, продолжавшаяся с 1991 по 2002 г., уничтожила достижения этого периода в сфере гендерных установок.

В Марокко, Северном Йемене и Саудовской Аравии самые старшие когорты примерно в такой же степени патриархатны, как самые молодые, но когорты средних возрастов еще более консервативны. При этом в Иордании тренд практически не обнаруживается, что можно объяснить большим числом палестинских беженцев, которые, предположительно, более либеральны, чем иорданцы. Если эти два компонента иорданского общества характеризуются противоположными трендами, то объединение их в одну выборку может нивелировать эффекты в статистических моделях.

Случай Марокко широко обсуждается как история успеха феминизма в арабском мире. Отступление от пронаталистской и консервативной в гендерном отношении политики в 1960–1970-х гг. привело к постепенному улучшению положения женщин, например, к выравниванию их уровня грамотности с мужчинами [Feeney, 2014, p. 549], а также способствовало развитию женских организаций, которые сегодня влияют на политическую повестку дня. Семейный кодекс 2004 г. и Конституция 2011 г. гарантировали равенство полов, и теперь женщины в Марокко участвуют в формировании решений правительства и законодательных инициативах, в том числе через систему квот в политической сфере [Еппаји, 2016]. При этом женщины из более обеспеченных и образованных слоев общества обладают значительно большими возможностями, чем женщины, принадлежащие к рабочему классу [Eggazzouki, 2014].

Многие страны, в которых существовали националистические режимы панарабской ориентации, показывают снижение уровня гендерного эгалитаризма в самых молодых когортах. Это верно для Египта, бывшего Южного Йемена, Палестинских территорий и Туниса. Некоторые из этих стран, однако, все еще выше среднего по выборке в отношении поддержки гендерного равенства.

Случай Ирака интересен тем, что эта страна имеет социалистическое прошлое, однако уровень поддержки гендерного эгалитаризма в Ираке является самым низким среди всех стран, включенных в выборку по третьей волне «Арабского барометра». Н. аль-Али объясняет, что женское движение в Ираке в постреволюционный период (ранние 1960-е гг.) было очень сильным. Однако диктаторский режим Саддама Хусейна разрушил большинство неправительственных организаций, что сильно затормозило развитие гендерного равенства [Al-Ali, Pratt, 2008]. Более того, падение режима только обострило гендерные проблемы вследствие роста насилия, бедности и затянувшейся нестабильности [Al Jawaheri, 2008].

Политические инициативы в поддержку прав женщин в сфере образования и занятости в легкой промышленности привели к усилению среднего класса и устойчивому экономическому росту в Тунисе [Coleman, 2004]. Здесь уровень поддержки гендерного равенства очень высок, но все еще сохраняется негативный тренд среди самых молодых поколений. Для Южного Йемена был характерен высокий уровень поддержки гендерного эгалитаризма, который впоследствии упал до минимальных значений и сейчас ниже, чем в Саудовской Аравии.

В рамках данной статьи не представляется возможным измерить влияние военных действий на поддержку гендерного равенства, между тем, некоторые бывшие социалистические общества, характеризовавшиеся высоким уровнем гендерного эгалитаризма, со временем стали более традиционными в отношении «женского вопроса». Отчасти эти изменения могут быть связаны с тем, что эти страны столкнулись с тяжелыми военными конфликтами. Как следует из положений теории модернизации, экзистенциальная опасность подавляет ценности самовыражения, в том числе препятствуя росту гендерного равенства. Ливия, Йемен, Судан и Ирак характеризуются самым низким уровнем поддержки гендерного эгалитаризма в выборке, в то время как две из этих стран имеют

опыт продвижения гендерного равенства. В Палестине наблюдается откат в сфере поддержки гендерного равенства [Abu-Baker, 2016].

Крайне консервативные режимы некоторых арабских стран препятствовали процессу модернизации, в то время как другие режимы форсировали модернизационные процессы. В реалиях сегодняшнего дня эти две группы стран идут на сближение.

Дополняя аргументы экономической и культурной направленности, история социалистической модернизации проливает дополнительный свет на изменение ценностных установок среди поколений и помогает объяснить, почему старшие поколения с большей вероятностью поддерживают гендерный эгалитаризм в некоторых странах, а в других – остаются ценностно-консервативными. Различия между гендерными установками населения Северного и Южного Йемена представляются наиболее ярким примером этого эффекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Герасимов О.Г. *Йеменская революция, 1962–1975 гг.* М.: Наука, 1979 [Gerasimov O.G. *The Yemeni revolution, 1962–1975.* Moscow: Nauka, 1979 (in Russian)].

Голубовская Е.К., Серебров С.Н. Йемен. *История Востока.* В 6 т. Т. 6: *Восток в новейший период (1945–2000 гг.)*. Отв. ред. В. Я. Белокреницкий, В. В. Наумкин. М.: Восточная литература, 2008, С. 255–279 [Golubovskaya E. K., Serebrov S. N. Yemen. *History of the East.* In 6 vol. Vol. 6: *East in the newest period (1945–2000).* Eds. V. Belokrenickij, V. Naumkin. Moscow: Vostochnaya literatura, 2008. Pp. 255–279 (in Russian)].

Abu-Baker K. Gender policy in family and society among Palestinian citizens of Israel: Outside and inside influences. *Handbook of Israel: The major debates.* 2016. Pp. 453–473.

Al Jawaheri Y. H. *Women in Iraq: The gender impact of international sanctions.* New York: I. B. Tauris&CoLtd., 2008.

Al-Ali N., Pratt N. Women's organizing and the conflict in Iraq since 2003. *Feminist review.* 2008. Vol. 88. No. 1. Pp. 74–85.

Alexander A., Welzel C. Islam and patriarchy: how robust is Muslim support for patriarchal values? *International Review of Sociology.* 2011. Vol. 21. No. 2. Pp. 249–276.

Alwin D., Cohen R., Newcomb T. *Political attitudes over the life span: The Bennington women after fifty years.* Madison: University of Wisconsin Press, 1991.

Arab Barometer. – <http://www.arabbarometer.org/content/ab-waves> (accessed 30.01.2017).

Arab Human Development Report 2016: Youth and the prospects for human development in changing reality. UNDP, 2016. – http://www.arabstates.undp.org/content/rbas/en/home/library/huma_development/arab-human-development-report-2016--youth-and-the-prospects-for-.html (accessed 15.10.2017).

Cigar N. South Yemen and the USSR: Prospects for the Relationship. *Middle East Journal.* 1985. Vol. 39. No. 4. Pp. 775–795.

Coleman I. The payoff from women's rights. *Foreign Affairs.* 2004. Vol. 83. No. 3. Pp. 80–95.

Dalacoura K. *Islam, liberalism and human rights.* New York: I. B. Tauris&Co Ltd., 2007.

Dorius S., Firebaugh G. Trends in Global Gender Inequality. *Social Forces.* 2010. Vol. 88. No. 5. Pp. 1941–1968.

Dresch P. *A history of modern Yemen.* Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Duncan O.D. *Notes on social measurement: Historical and critical.* New York: Russell Sage Foundation, 1984.

Ennaji M. Women and Political Participation in Morocco and North African States. *Gender and Power.* Eds. M. Vianello, M. Hawkesworth. London: Palgrave Macmillan, 2016. Pp. 35–52.

Errazzouki S. Working-class women revolt: gendered political economy in Morocco. *The Journal of North African Studies.* 2014. Vol. 19. No. 2. Pp. 259–267.

Esposito J., Women in Islam and Muslim Societies. *Islam, Gender, and Social Change.* Eds. Y. Haddad, J. Esposito. New York: Oxford University Press, 1998.

Fargues P. Women in Arab countries: challenging the patriarchal system? *Reproductive Health Matters.* 2005. Vol. 13. No. 25. Pp. 43–48.

Fawcett L. *International relations of the Middle East.* New York: Oxford University Press, 2013.

- Feeney G. Literacy and gender: Development success stories. *Population and Development Review*. 2014. Vol. 40. No. 3. Pp. 545–552.
- Foley S. *The Arab Gulf States: Beyond oil and Islam*. London: Lynne Rienner Publishers, 2010.
- Gellner E. *Nations and nationalism*. Ithaca: Cornell University Press, 2008.
- Greenfeld L. *Nationalism: Five roads to modernity*. Cambridge: Harvard University Press, 1993.
- Halliday F. Yemen's unfinished revolution, socialism in the South. *Merip Report*. 1979. Vol. 9. No. 3. Pp. 8–10.
- Hassan R. Feminist theology: The challenges for Muslim women. *Journal for Critical Studies of the Middle East*. 1996. Vol. 5. No. 9. Pp. 53–65.
- Hastie T., Tibshirani R. *Generalized Additive Models*. Boca Raton: CRC Press, 1990.
- Hoffman M., Jamal A. The youth and the Arab spring: Cohort differences and similarities. *Middle East Law and Governance*. 2012. Vol. 4. No. 1. Pp. 168–188.
- Huntington S. *The clash of civilizations and the remaking of world order*. New York: Simon&Schuster, 1997.
- Inglehart R. *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*. Princeton: Princeton University Press, 1997.
- Inglehart R., Baker W. Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values. *American sociological review*. 2000. Vol. 65. No. 1. Pp. 19–51.
- Inglehart R., Norris P. *Rising Tide: Gender equality and cultural change around the world*. New York: Cambridge University Press, 2003a.
- Inglehart R., Norris P. The true clash of civilizations. *Foreign policy*. 2003b. No. 135. Pp. 63–70.
- Inkeles A., Smith D. *Becoming modern: Individual changes in six developing societies*. Cambridge: Harvard University Press, 1974.
- Korotayev, A., Issaev L., Shishkina A. Female labor force participation rate, Islam, and Arab culture in cross-cultural perspective. *Cross-Cultural Research*. 2015. Vol. 49. No. 1. Pp. 3–19.
- Kostenko V., Kuzmuhev P., Ponarin E. Attitudes towards gender equality and perception of democracy in the Arab world. *Democratization*. 2016. Vol. 23. No. 5. Pp. 862–891.
- Kruks S., Rapp R., Young M.B. (eds.) *Promissory notes*. New York: Monthly Review Press, 1989.
- Luong P.J., Weinthal E. *Oil is not a curse: ownership structure and institutions in Soviet successor states*. New York: Cambridge University Press, 2010.
- Moghadam V. *Modernizing women: Gender and social change in the Middle East*. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2003.
- Molyneux M. Legal Reform and Socialist Revolution in South Yemen: Women and the Family. *Promissory Notes*. Eds. S. Kruks, R. Rapp, M. B. Young. New York: Monthly Review Press, 1989. Pp. 193–214.
- Norris P., Inglehart R. *Sacred and secular. Religion and politics worldwide*. New York: Cambridge University Press, 2011.
- Richards A., Waterbury J. *A political economy of the Middle East: State, class, and economic development*. Boulder: Westview Press, 1990.
- Rizzo H., Abdel-Latif A., Meyer K. The relationship between gender equality and democracy: A comparison of Arab versus non-Arab Muslim societies. *Sociology*. 2007,. Vol. 41. No. 6. Pp. 1151–1170.
- Ross M. Oil, Islam, and women. *American Political Science Review*. 2008. Vol. 102. No. 1. Pp. 107–123.
- Ross M. *The oil curse: how petroleum wealth shapes the development of nations*. Princeton: Princeton University Press, 2012.
- Roxborough I. Modernization theory revisited. A review article. *Comparative Studies in Society and History*. 1988. Vol. 30. No. 4. Pp. 753–761.
- Sadiqi F. Facing challenges and pioneering feminist and gender studies: women in post-colonial and today's Maghrib. *African and Asian Studies*. 2008. Vol. 7. No. 4. Pp. 447–470.
- Sayigh Y. Regional Fragmentation and Authoritarian-Liberalism in the Middle East. *The Third World beyond the Cold War: Continuity and Change*. Eds. L. Fawcett, Y. Sayigh. New York: Oxford University Press, 1999. P. 200.
- Schuman H., Scott J. Generations and Collective Memories. *American Sociological Review*. 1989. Vol. 54. No. 3. Pp. 359–381.

- Scott C. V. *Gender and Development: Rethinking Modernization and Dependency Theory*. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1995.
- Sears D. The persistence of early political predispositions: The roles of attitude object and life stage. *Review of personality and social psychology*. 1983. Vol. 4. No. 1. Pp. 79–116.
- Sen A. *Development as Freedom*. New York: Alfred A. Knopf, 1999.
- Sharabi H. *Neopatriarchy: A theory of distorted change in Arab society*. New York: Oxford University Press, 1992.
- Smith A. *Nations and Nationalism in a Global Era*. Cambridge: Polity Press, 1995.
- Spierings N., Smits J., Verloo M. Micro-and Macrolevel Determinants of Women's Employment in Six Arab Countries. *Journal of Marriage and Family*. 2010. Vol. 72. No. 5. Pp. 1391–1407.
- Spierings N., Smits J., Verloo M. On the compatibility of Islam and gender equality. *Social Indicators Research*. 2009. Vol. 90. No. 3. Pp. 503–522.
- Sullivan R.R. Saudi Arabia in international politics. *The Review of Politics*. 1970. Vol. 32. No. 4. Pp. 436–460.
- The World Bank, Life expectancy at birth in Yemen. – <https://data.worldbank.org/indicator> (accessed 21.09.2018).
- UNDP in Saudi Arabia, *Saudi Women Challenges and Successes*. – http://www.sa.undp.org/content/saudi_arabia/en/home/presscenter/articles/2014/03/09/saudi-women-challenges-and-success.html (accessed 15.10.2017).
- Welzel C. *Freedom Rising: Human Empowerment and the Quest for Emancipation*. New York: Cambridge University Press, 2013.
- Wood S. *Generalized Additive Models: An Introduction with R*. Boca Raton: CRC Press, 2006.
- Wood S. mgcv: GAMs and generalized ridge regression for R. *R news*. 2001. Vol. 1. No. 2. Pp. 20–25.
- Yang Y., Land K. C. *Age-period-cohort analysis: New models, methods, and empirical applications*. New York: Chapmanand Hall/CRC, 2016.
- Yousef T. Development, growth and policy reform in the Middle East and North Africa since 1950. *The Journal of Economic Perspectives*. 2004. Vol. 18. No. 3. Pp. 91–110.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Параметрические оценки коэффициентов ГАМ-модели в пяти арабских странах на данных трех волн исследования «Арабский барометр»

	Зависимая переменная: Индекс гендерного эгалитаризма		
	Первая волна	Вторая волна	Третья волна
Константа	0.362*** (0.016)	0.377*** (0.014)	0.468*** (0.012)
Йемен	0.166** (0.077)	0.025 (0.024)	-0.011 (0.026)
Палестина	0.006 (0.013)	0.053*** (0.011)	0.050*** (0.015)
Алжир	0.043*** (0.015)	0.063*** (0.011)	0.089*** (0.015)
Ливан	0.148*** (0.014)	0.182*** (0.010)	0.181*** (0.011)
Иордания		Опорная категория	
Пол (опорная: женский)	0.106*** (0.008)	0.118*** (0.009)	0.095*** (0.008)
Образование			
Безграмотные		Опорная категория	
Начальное	0.030** (0.014)	0.028** (0.013)	0.003 (0.011)
Среднее	0.083*** (0.014)	0.062*** (0.013)	0.031*** (0.011)
Среднее профессиональное	0.107*** (0.015)	0.074*** (0.014)	0.034*** (0.012)
Высшее	0.133*** (0.014)	0.091*** (0.013)	0.078*** (0.011)
Частота чтения Корана			

	Зависимая переменная: Индекс гендерного эгалитаризма		
	Первая волна	Вторая волна	Третья волна
Каждый день		Опорная категория	
Иногда	0.009 (0.006)	0.022*** (0.007)	0.008 (0.006)
Редко/никогда	0.040*** (0.007)	0.029*** (0.006)	0.001 (0.008)
Статус занятости (опорная: оплачиваемая работа)	0.012 (0.008)	0.014 (0.009)	-0.012 (0.008)
Пол (женский)* Статус занято- сти (оплачиваемая работа)	0.008 (0.012)	-0.005 (0.012)	0.037*** (0.012)
Observations	5.059	5.747	6.246
Adjusted R2	0.230	0.199	0.212
Log Likelihood	1.389	1.193	1.198

Примечание: * p<0.1; ** p<0.05; *** p<0.01

Таблица 2

*Параметрические оценки коэффициентов ГАМ-модели для 13 арабских стран
(третья волна «Арабского барометра»)*

	Зависимая переменная: Индекс гендерного эгалитаризма	
	(Йемен объединенный)	(Северный и Южный Йемен)
Константа	0.470*** (0.014)	0.468*** (0.015)
Алжир	0.083*** (0.018)	0.083*** (0.018)
Египет	0.047** (0.019)	0.048** (0.019)
Ирак	-0.024 (0.024)	-0.023 (0.024)
Иордания	0.018 (0.015)	0.019 (0.015)
Ливан	0.173*** (0.014)	0.174*** (0.014)
Ливия	-0.005 (0.016)	-0.004 (0.016)
Марокко	0.072*** (0.023)	0.072*** (0.023)
Палестина	0.042** (0.018)	0.042** (0.018)
Судан	-0.020 (0.022)	-0.020 (0.022)
Тунис	0.103*** (0.014)	0.103*** (0.014)
Саудовская Аравия (данные 2-й волны)	0.017 (0.029)	0.011 (0.021)
Йемен	-0.014 (0.051)	
Северный Йемен		-0.030 (0.030)
Южный Йемен		0.005 (0.088)
Кувейт	Опорная категория	
Пол (опорная: женский)	0.105*** (0.005)	0.106*** (0.005)
Образование	Опорная категория	
Безграмотные	Опорная категория	
Начальное	0.008 (0.007)	0.008 (0.007)
Среднее	0.040*** (0.007)	0.041*** (0.007)
Среднее профессиональное	0.045*** (0.008)	0.045*** (0.008)

	Зависимая переменная: Индекс гендерного эгалитаризма	
	(Йемен объединенный)	(Северный и Южный Йемен)
Высшее	0.080*** (0.007)	0.080*** (0.007)
Частота чтения Корана		
Каждый день	Опорная категория	
Иногда	-0.004 (0.004)	-0.004 (0.004)
Редко/никогда	0.007 (0.006)	0.008 (0.006)
Статус занятости (опорная: оплачиваемая работа)	-0.007 (0.005)	-0.005 (0.005)
Пол (женский)*Статус занятости (оплачиваемая работа)	0.023*** (0.008)	0.022*** (0.008)
Количество наблюдений	15.297	15.297
Adjusted R2	0.157	0.160
Log Likelihood	2.625	2.649

Примечание: * p<0.1; ** p<0.05; *** p<0.01

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

КОСТЕНКО Вероника Викторовна – кандидат социологических наук, научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» (ЛССИ НИУ ВШЭ), доцент департамента социологии НИУ ВШЭ СПб., г. Санкт-Петербург, Россия.

Veronica V. KOSTENKO – PhD, Research Fellow of the Laboratory for Comparative Social Research (LCSR) National Research University “Higher School of Economics”, St. Petersburg, Russia; associate professor at the HSE-SPb.

ПОНАРИН Эдуард Дмитриевич – PhD Мичиганского университета, заведующий ЛССИ НИУ ВШЭ; ординарный профессор департамента социологии НИУ ВШЭ СПб., г. Санкт-Петербург, Россия.

Eduard D. PONARIN – PhD (University of Michigan), Tenured Professor, Laboratory Head of the LCSR HSE, Russia.

СТРЕБКОВА Ольга Николаевна – аспирант НИУ ВШЭ СПб, стажер-исследователь ЛССИ НИУ ВШЭ, г. Санкт-Петербург, Россия.

Olga N. STREBKOVA – PhD Student, Research Assistant at LCSR HSE, Russia.